

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Г—овъ.

(О к о н ч а н і е *)).

12.

8 ноября 1856 г.

Давно, очень давно я не пишу тебѣ, друже мой единый. Не было о чемъ писать, не было матеріала и ни малѣйшихъ событій въ нашемъ забытомъ захоlustы. Отвратительное бездѣйствіе и однообразіе! 15 сентября посѣтилъ насъ Бюрно, но такъ не на долго (на пять часовъ), что я потерялъ надежду увидѣться съ нимъ. Онъ однако-жъ вспомнилъ обо мнѣ передъ самымъ выѣздомъ своимъ. Принялъ меня, какъ давно и хорошо знакомый человѣкъ. Свиданіе наше длилось нѣсколько, и въ эти короткіе минуты я успѣлъ полюбить этого счастливаго человѣка. Я его называю потому счастливымъ, что такіе люди, какъ онъ, не требуютъ долгаго и пристальнаго взглядыванья въ свой характеръ. Такіе любимцы Бога однимъ движеніемъ, однимъ взглядомъ говорятъ вамъ: намъ можно все довѣрить. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ (такому сообщись то), чего иному въ продолженіи жизни не скажешь.

Онъ не обѣщалъ мнѣ много, чѣмъ я особенно доволенъ; много обѣщать—значить ничего не сдѣлать. Онъ просилъ меня писать ему и присылать куски матеріи. Но я этого не дѣлаю, мнѣ кажется не деликатной подобная корреспонденція. И встрѣтились, и простились мы съ

*) См. март. кн. «Кіев. Старинъ» на 1883 г., стр. 611—622.

нимъ, какъ старые и добрые пріятели. Надолго останется въ моемъ сердцѣ это кратко-длинное свиданіе, эта симпатическая благородная физиономія, издающая тихіе кроткіе звуки. Наниши ему отъ меня самое глубокое сердечное привѣтствіе.

О высочайшихъ помилованіяхъ, по случаю коронаціи, у насъ еще ничего неизвѣстно. Я не ласкаю себя ни малѣйшей надеждою. Чѣмъ и какъ я могу уничтожить предубѣжденія В. А. ¹⁾? Есть у меня на это оправданіе, но я не смѣю привести его въ исполненіе. Необходимо, чтобы В. А. спросилъ у графа Орлова, на чей счетъ я воспитывался въ академіи и за что мнѣ запрещено рисовать? словомъ, чтобы графъ Орловъ пояснялъ мою темную конfirmaцію. Но кто легко разстается съ своими предубѣжденіями? Писалъ я черезъ Михайлова тебѣ еще въ началѣ лѣта; не знаю, получилъ-ли ты мое письмо. Михайловъ не написалъ мнѣ еще и двухъ строчекъ и кажется, что и не напишетъ. Я не знаю, чтобы это значило? Не время-ли ему, или просто непротительная лѣнь, или что нибудь другое, не знаю. Во всякомъ случаѣ мнѣ это больно. Кажется, одинъ ты мой вѣрный, неизмѣнный корреспондентъ. Сердечно благодарю тебя, мой друже единый. Извини меня передъ Сигизмундомъ, что я не пишу ему. Причина натуральная, не знаю, куды писать. Если онъ еще въ Петербургѣ, то напиши ему мой искренній привѣтъ и покорнѣйшую просьбу уничтожить Варнака (я настоящій попрошайка), прислать мнѣ двѣ плитки сепіи, фирмы *Sepiadi Roma*, или фабрики Шанеля. Въ настоящее время у меня этой краски ни полграмма. Хорошо еще, что и другихъ нѣтъ средствъ и главнѣйшаго — помещенія, а то-бы я умеръ съ досады. Недавно мнѣ пришла мысль представить въ лицахъ евангельскую притчу о блудномъ сынѣ, въ нравахъ и обычаяхъ современнаго русскаго сословія. Идея сама по себѣ глубоко поучительна, но какія душу раздирающія картины составилъ я въ моемъ воображеніи на эту истинно нравственную тему. Картины съ мельчайшими подробностями готовы (разумѣется въ воображеніи) и дай мнѣ теперь самыя бѣдныя средства, я окончатѣль-бы надъ работою. Я почти доволенъ, что не имѣю теперь средствъ начать работу. Мысль еще не созрѣла, легко могъ-бы яадѣлать промаховъ; выношу,

¹⁾ Василія Алексѣевича Перовскаго. — Б. *З.

какъ мать младенца въ своей утробѣ, эту безконечно разнообразную тему, а весной, помолясь Богу, приступлю къ исполненію хотя-бы то въ собачей канурѣ.

Если Богъ поможетъ мнѣ осуществить мое предположеніе, то изъ этой темы составится порядочной толщины альбомъ и если-бы хоть когда нибудь мнѣ удалось издать въ литографіи, то я былъ-бы выше всякаго земнаго счастія. Но сохрани Боже неудачи, то я умру: идея слишкомъ тѣсно срослась съ моею душою.

Въ слѣдующемъ письмѣ я опишу тебѣ нѣсколько картинъ такъ, какъ онѣ теперь мнѣ представляются.

О чемъ-же мнѣ еще писать тебѣ, мой друже единый? Отвратительное однообразіе. Полгода уже прошло, какъ я писалъ тебѣ, и теперь писать не о чемъ. Если продлится еще годъ мое заточеніе, то я непрежнею одурѣю, и изъ завѣтной моей мысли, изъ моего *Блуднаго сына* выйдетъ безцвѣтный образъ разслабленнаго воображенія, и ничего больше. Грустная, безотрадная перспектива! Для исполненія задуманнаго мною сюжета необходимы живые, а не воображаемые тины. А гдѣ и ихъ возьму въ этомъ вороньемъ гнѣздѣ? А безъ нихъ, безъ этихъ путеводителей, легко сбиться съ дороги и надѣлать самыхъ нелѣпныхъ промаховъ. Но довольно объ этомъ! Наниши ты мнѣ, какъ ты намѣренъ распорядиться своимъ будущимъ. Кого ты намѣренъ изъ себя сдѣлать — артиста или чловника? И на томъ и на другомъ иоприщѣ сердечно желаю тебѣ успѣха. Но мнѣ-бы искренно хотѣлось, чтобы ты избралъ поприще артиста. Не знаю твоихъ матеріальныхъ средствъ, — фундаментъ всѣхъ нашихъ предприятий. Моральными средствами ты владѣешь, у тебя есть любовь къ искусству и этого достаточно; о способностяхъ не хлопочи: онѣ вѣрнее спутники этого прекраснаго свѣтила. О, если-бы когда нибудь привелось мнѣ увидѣть тебя и увидѣть истиннымъ артистомъ (не истиннымъ ты не можешь быть)! Тогда радость моя была-бы безгранична. Устрой свое будущее, если можно, такъ, а не иначе; тогда, гдѣ-бы я ни былъ, пѣшкомъ приѣду любоваться твоими произведеніями. Посоветуй, что мнѣ дѣлать съ доскутьями шерстяной матеріи ¹⁾? У меня ихъ накопилось кусковъ около десятка. Промедшее лѣто благопріятствовало моему

1) Съ рисунками. — Бр. З.

фактурѣ. Въ Оренбургѣ, кромѣ Бюрно, я никого не имѣю; по я пи за что не рѣшуся безпокоить его такимъ матеріальнымъ предложеніемъ. На Михайла и Карла надежда плохая, а на лѣнливыхъ земляковъ моихъ я того хуже. Они непремѣнно требуютъ *платмбы*: простота и ничего больше. Гдѣ Аркадій и что онъ дѣлаетъ? Пиши ему и цѣлуй его за меня. Пиши Совѣ и его цѣлуй. Пиши Михайлу и его сначала поцѣлуй, а потомъ попеняй за непростительную лѣнь, если это лѣнь только; не забудь написать Сигизмунду и въ заключеніе пиши Бюрно и цѣлуй за меня этого благороднѣйшаго человѣка.

Отъ всего сердца цѣлую твою щастливѣйшую мать.

Не забывай меня, друже мой единый!

13.

БРОИСЛАВУ.

1856 годъ.

Какое однако-жъ себялюбивое созданіе человѣкъ вообще, а я въ особенности! Ты съ такимъ чистымъ восторгомъ (иначе и быть не можетъ) пишешь мнѣ о своемъ возвращеніи на милую родину, а я... Прости мнѣ, мой единый друже! я чуть не заплакалъ; разумѣется, разстояніе не можетъ измѣнить тебя, моего истиннаго, испытаннаго друга, но безъ тебя все-таки я сирота круглый въ оренбургскомъ безлюдномъ краю. Къ кому я въ этой пустыни прильну полнымъ сердцемъ безъ тебя? Къ кому я такъ братски откровенно адресуюсь съ моими нуждами, и кто такъ пскренно, какъ ты, возьметъ на себя тяжелый трудъ сбывать мою матерію? Никто! а для меня необходимъ такой другъ въ Оренбургѣ, особенно теперь, потому особенно, что я все-таки не теряю надежды, разумѣется, не раньше зимы, перемѣнить солдатскій бѣдный бытъ на что-нибудь лучшее; но это еще въ рукахъ слѣпой фортуны! Скажи ты мнѣ: на всегда-ли ты оставляешь этотъ безлюдный край или только на время? Если только на нѣкоторое время, то я подожду тебя, если-же на всегда (чего желаю тебѣ отъ всего сердца), то я долженъ буду отправить матерію къ землякамъ моимъ, которые (чудаки между прочимъ) непремѣнно требуютъ моего итемнеля, на что я никогда не рѣшуся, на каждомъ кускѣ; а иначе въ ихъ глазахъ произведеніе никакой цѣны не имѣетъ.

Изъ этого ты видишь, что земляки мои—порядочные вапдалы.

Полученные мною фотографіи не совсѣмъ удачны. Портретъ С. Сѣраковекаго хотя и блѣденъ, но его даже солдаты узнаютъ, которые видѣли его когда-то въ Уральскѣ. Благодарю его за этотъ милый подарокъ, а за письмо не благодарю, потому что его до сихъ поръ прочитать не могу—ужасно неразборчиво написано. Но все таки цѣбую его всею полнотою души. Попроси его, чтобы онъ мнѣ прислалъ свой адресъ изъ Екатеринослава и чтобы хоть немного умѣрилъ свой почеркъ. Ты вѣроятно заѣдешь въ Уфу.—ноцѣлуй Сову и Людвика.

Бюрно у насъ еще не былъ и вѣроятно ояъ будетъ здѣсь не раньше, какъ по окончаніи курса леченія въ Пятигорекѣ, а къ тому времени ты сдѣлалъ-бы доброе дѣло, если-бы написалъ ему обо мнѣ хоть нѣскольго словъ, или, еще лучше, если-бы письмо прислалъ мнѣ; тогда я смѣло могъ-бы явиться къ нему, а то я такъ одичалъ здѣсь, что едва-ли безо-всего осмѣлюсь явиться къ военному генералу; ты не повѣришь, какіе для меня теперь это страшилища, просто ужасъ! Не полѣнися, напиши, мой добрый Брониславе!..

Сдѣлаеть-ли безъ тебя милую для меня фотографію? Ахъ, если-бы сдѣлалъ! Какъ-бы и ему благодарень былъ! Устрой это такъ, чтобы сдѣлалъ и непременно (попроси) уважаемаго мною Карла. Я самъ теперь пишу ему и прошу его объ этомъ. Ираклій¹⁾, кажется, немного охладѣлъ къ фотографіи. А знаешь-ли, что у насъ вышла маленькая контра?²⁾ имѣла неосторожность попрекнуть меня своими благодарѣніями, и я отряхнулъ прахъ отъ ногъ моихъ, и повторяю слова великаго флорентинскаго изгнанника:

Горекъ хлѣбъ подавнїа

И жестки ступени чужого крыльца.

Присшествіе неприятное, но я теперь себя чувствую гораздо спокойнѣе и свободнѣе, нежели подъ покровительствомъ этихъ, въ сущности добрыхъ, людей.

¹⁾ Усковъ, комендантъ Ново-Петровскаго укрѣпленія. — Ир. Бр. 3-го аг.

²⁾ Агата Ускова, о которой выше съ такой горячностью говорилъ Шевченко. — М. Т.

Что мнѣ еще писать тебѣ? Ничего больше, какъ повторю мою просьбу на счетъ Бюро, и гдѣ-бы ты ни былъ, пиши мнѣ, не забывай меня, теперь совершенно одинокого, а когда будешь дома, то поцѣлуй за меня родившую тебя моего искреняго, моего единого друга.

Если застанеть тебя это письмо въ Оренбургѣ, то возьми мою мизерію у Карла и передай Михайлу. Я весьма опрометчиво поступилъ съ мозьямъ Вариакомъ, и тѣмъ болѣе, что черновую рукопись уничтожилъ. И теперь не знаю, что мнѣ и дѣлать. Если онъ у тебя переписалъ, то пришли его мнѣ: тамъ нужно многое поправить. Слогъ вообще довольно шершавый. Во всякомъ случаѣ не посылай его Осипову. Я содержаніе помню и напишу его вновь. Будешь писать Аркадію, цѣлуй его отъ меня.

14.

10 февраля 1857 г.

Письмо твое, мой искренний друже, отъ 18 сентября ¹⁾ минувшаго года получилъ я 28 генваря текущаго года. Что значить эта черепашья медленность, я не понимаю. Ираклій говорить, что ты адресовалъ его черезъ Астрахань, и что оно опоздало къ послѣднему почтовому переходу, и должно было черезъ Самару и Оренбургъ путешествовать въ наше кочевье. Такъ-ли, иначе-ли, все-же оно дошло до меня и я со слезами сердечной радости прочиталъ его.

Дружѣ мой единый! твоя радость, твое счастье такъ безпредѣльно полны, что мяѣ остается только пожелать тебѣ, твоей счастливой матери, отцу и всему близкому твоему сердцу, пожелать долгихъ и долгихъ и безмятежныхъ дней. Ты такъ искренно, такъ живо радостно описываешь свое свиданіе, что я какъ-бы присутствую при этой прекрасной сценѣ, какъ будто самъ цѣлую и слезами обливаю руки твоей такъ долго скорбящей, и теперь такъ полно счастливой матери. Ты боялся возмутить мое искренно любящее тебя сердце описаніемъ своей радости. Напрасно, твоя радость вераздѣльна съ моею радостью, вераздѣльна, какъ любящая душа съ такой-же любящей душою. Эта психологическая истина требуетъ матеріальныхъ доказательствъ.

¹⁾ Навѣчатоно у г. Чалаго на стр. 83--84.

Ты нишень, что кароокіе и голубоокіе siestzeney твои спрашиваютъ тебя, когда прїѣдетъ къ нимъ старшій другъ твой, который любить добрыхъ и милыхъ дѣтей? Цѣлуй ихъ, мой единный друже, и скажи имъ, что сердце мое давно уже съ ними, и что самъ я прїѣду къ нимъ скоро и поцѣлую ихъ такъ, какъ ты ихъ теперь цѣлуешь. Фантазія! воображаемое счастье! пока и этого довольно. Для душъ сочувствующихъ и любящихъ воздушные замки впрочемъ и прекраснѣе матеріальныхъ палатъ эгоиста. Эта психологическая истина непонятна людямъ положительнымъ. Жалкіе эти положительные люди; они не знаютъ совершеннѣйшаго, величайшаго счастья на землѣ, они, одурманенные себялюбіемъ, лишены этого безграничнаго счастья, — рабы лишенные свободы, и ничего больше.

Вмѣстѣ съ твоимъ радостнымъ письмомъ получилъ я письмо изъ академіи художествъ отъ жены нашего вице-президента графа Толстаго. Она пишетъ мнѣ, что сдѣлано все для моего искупленія, и что въ скоромъ времени она ожидаетъ счастливаго результата. Какъ ты думаешь, можно-ли на этомъ фундаментѣ строить воздушные замки? Ты скажешь: можно, а я уже ихъ и построилъ. И какіе прекрасные, какіе свѣтлые замки! Безъ бойницъ и амбразуръ, безъ золота и мрамора мои роскошные прекрасные замки! но имъ позавидоваль-бы и самъ Несвижскій „Раміе Кошанки“¹⁾ *), еслибъ онъ могъ теперь завидовать чему нибудь. Я вотъ что построилъ на этомъ прекрасномъ фундаментѣ.

Первое, или первая поэма, интродукціо: разставанье съ пустыней, въ которой я столько лѣтъ терпѣлъ, разставанье съ Карломъ, Михайломъ и Бюрю, котораго я только разъ увидѣлъ и полюбилъ, потомъ науга до Москвы, потомъ Москва, оставшіеся друзья и школьные товарищи, потомъ, потомъ... вотъ какой финаль. Вмѣсто петербургской желѣзной дороги я выбираю прѣстую почтовую дорогу — смоленскую или вилеenskую и прїѣзжаю прямо въ Рачкѣвичи²⁾. Здѣсь начинается вторая

¹⁾ Поговорка извѣстнаго князя Карла Радзивилла, служившая ему названіемъ. — Пр. Бр. З — аго.

²⁾ Въ нашей копіи внизу написано и зачеркнуто слово: «кошанку», выраженіе фамилярности и пренебреженія въ отношеніи къ низшимъ и даже животнымъ. напр. кормленой свиньѣ. — М. Т.

³⁾ Члѣны родителей Залескаго, Минск. губ., слудц. у. — Пр. Бр. З — аго.

часть поэмы. Встрѣчаюся съ тобою, плачу и цѣлую руки твоей счастливой матери, цѣлую твоего счастливаго отца, сестеръ, кароокыхъ и голубоокыхъ *siostrzeńców* твоихъ и, въ объятіяхъ полнаго счастья, отдыхаю, повторяя стихъ великаго поэта: „Мало воздуха всей Аравіи наполнить мою свободную грудь“. Въмѣсто Аравіи я буду говорить Литвы. Отдохнувши отъ этой полной радости, я почти силою беру тебя изъ объятій твоей счастливой матери, и въ одно прекрасное утро мы съ тобою молямясь передъ образомъ Божіей Матери Остробрамской. Вильно также дорого по воспоминаніямъ моему сердцу, какъ и твоему. Изъ литовской столицы по варшавскому шоссе мы легимъ прямо въ академію художествъ и дополняемъ наше и безъ того полное счастье двумя годами студенческой затворнической жизни. А сколько радости въ этой затворнической жизни! Эта радость и это счастье попятно только тому, кто любитъ божественное искусство такъ, какъ мы съ тобою его любимъ. Не правда-ли, — прекрасный, великолѣпный и не совсѣмъ воздушный замокъ? Фундаментъ почти ручается за его быточность и прочность.

Второй воздушный замокъ, или поэма на одну и ту же тему: вступленіе тоже самое, сцена въ Москвѣ тоже самая, но вмѣсто Смоленской дороги выбрана петербургская желѣзная, и я въ Петербургѣ, въ скромной квартирѣ о двухъ комнатахъ, изучаю искусство гравированія *аквитинта*, и ожидаю къ себѣ тебя, моего искреннаго друга. Ты пріѣхалъ, живемъ мы съ тобою скромно, почти бѣдно, въ маленькихъ комнаткахъ, неутомимо работаемъ, учимся и наслаждаемся своимъ ученіемъ. Два года пролетаютъ незамѣтно надъ нами, и мы, ежели не полные, но крайней мѣрѣ, сознательные артисты, черезъ Вильно и Слуцкъ возвращаемся въ Рачкѣвичи, цѣлуемъ твою мать, отца, сестеръ и кароокыхъ и голубоокыхъ сыновцевъ твоихъ.

Вторая моя поэма немного прозякая, но въ сущности полнѣе первой. Такъ или иначе, а ты долженъ быть въ академіи художествъ или будетъ прорѣха, не зашитая дыра въ твоей и въ моей жизни. Недостаточно видѣть, любоваться прекраснымъ, умнымъ, добрымъ чело-вѣкомъ, необходимо нарисовать его на бумагѣ и любоваться имъ, какъ созданіемъ живаго Бога. Вотъ что нужно для полноты нашей радости, для полноты нашей жизни!

Позычь, выпроси 25 рублей на мѣсяць, въ продолженіи двухъ лѣтъ. Какъ знаешь, едѣлай, только едѣлай; это для тебя и даже для меня необходимо: для меня потому, что я желаю видѣть и цѣловать моего друга совершеннаго, а для твоего совершенства необходима академія художествъ. Безъ разумнаго пониманія красоты человекъ не увидѣтъ Всемогущаго Бога въ мелкомъ листочкѣ малѣйшаго растенія. Ботаникъ и зоологіи необходимъ восторгъ, а иначе ботаника и зоологія будетъ мертвый трупъ между людьми. А восторгъ этотъ приобретается только глубокимъ пониманіемъ красоты, безконечности, симметріи и гармоніи въ природѣ. О, какъ-бы мнѣ хотѣлось теперь поговорить съ тобою о Космосѣ и послушать, какъ ты читаешь цѣсни Вайделоты!

Пускай молятся твои кароокіе и голубоокіе siostrzeńcy: молитва ангеловъ внятнѣ Богу.

15 февраля.

Я остановился на вышемъ градусѣ моей сердечной фантазіи, остановился для того, чтобъ дождать слѣдующей почты и подгрѣпить мои предположенія яснымъ и положительнымъ документомъ. Почта пришла 14 февраля и не привезла мнѣ ничего такого, на чемъ-бы основываясь я могъ продолжать свои предположенія. Предвѣстіе, вѣра, надежда, и ничего больше.

Получилъ-ли ты мое письмо отъ октября, не помню, котораго дня, адресованное прямо въ Слуцкъ, а не въ Рачкѣвичи? Я писалъ тогда о свиданіи моемъ съ сердечнымъ старымъ Бюрно. Если не получилъ, то напиши мнѣ: я тебѣ другой разъ опишу это короткое и безконечно длинное свиданіе. А теперь, какъ и тогда, прошу тебя, мой сердечный друже, пиши ему, цѣлуй его съдую—молодую голову, цѣлуй его чистое живое сердце, цѣлуй его божественную христіанскую душу. Цѣлуй его, какъ артиста, какъ брата, какъ человека. Я ничего теперь не могу больше сказать. Сердце мое переполняется любовью и изнемогаетъ при воспоминаніи о немъ.

Цѣлуй Аркадія, жену его и дѣтей его. Цѣлуй Сигизмунда и желай ему самаго блестящаго усяѣха на избранной имъ дорогѣ. Пигаль-бы тебѣ еще много и много, но, какъ я сказалъ, документа нѣтъ; а безъ него самая яркая фантазія ничего больше, какъ салыная свѣча

въ казармахъ. Фантазія должна опираться на положительное. Сѣмена Джугары и двѣ штуки матеріи шерстяной пошлю тебѣ въ послѣдней половинѣ марта, а когда ты его получишь, Богъ знаетъ. Цѣлую твою счастливую мать, твоего отца, твоихъ сестеръ и твоихъ ангеловъ *siostrzeńców*. Не забывай меня, друже мой единый!

15.

8 мая, 1859 г. (1857 г.).

Мой единый друже, Брониславе! Ради нашей святой дружбы ростоужуй ты мнѣ, что значить твое упорное молчаніе? ¹⁾ или ты обляялся и проклясъ наконецъ въ деревнѣ, или ты заболѣлъ? Да хранитъ тебя Господь! или ты скрылся въ невѣдомое тридешатое государство, гдѣ о почтѣ и понятія не имѣютъ? или я не знаю, что и думать. До полученія послѣдняго письма твоего отъ 18 сентября мнвувшаго года, я писалъ къ тебѣ два раза, по адресу Балинскаго. Первый разъ въ ноябрѣ, а второй разъ въ январѣ, вмѣстѣ съ Б., и ни на одинъ привѣтъ не получилъ отвѣта; что это значить, я ума не приложу. Письмо твое отъ 18 сентября получилъ я въ послѣднихъ числахъ марта, на которое отвѣчаю только теперь. Я все дожидаль отъ тебя извѣдѣвшихъ извѣстій и, не дождавнись, рѣшился адресовать тебѣ третье посланіе въ твои милые задушевные Рачкѣвичи. Вмѣстѣ съ твоимъ послѣднимъ письмомъ, получилъ отъ тебя письмо и Ираклій, въ которомъ ты просиль (его) о присылкѣ сѣмянъ Джугары, а меня просиль прислать тебѣ для извѣтнаго употребленія два куска матеріи собственнаго рукодѣлія. Просьба твоя исполнена не совѣмъ удовлетворительно; посылка отираялена поздно, сѣмена не получишь ты ко времени посѣва. Тебѣ не безъизвѣстно, что на время зимы денежная и вообще интересная корреспонденція у насъ прекращается. Вотъ причина запоздалости. Вмѣстѣ съ сѣменами послано тебѣ и мое рукодѣлье, три штуки. Двѣ для твоего собственнаго употребленія, т. е. для продажи по твоему умотрѣнію, а третья съ надписью для графини Т., которой я прошу тебя немедля

¹⁾ У г. Чагаго напечатано письмо З.—скаго отъ 3 марта 1857 г.

переслать съ письмомъ или безъ письма, какъ знаешь, по нижеслѣдующему адресу:

Въ С.-Петербургъ, графиня Наталиа Ивановна Толстая, въ академію художествъ,

а деньги, вырученныя за остальные два куска, отошли на имя Михайла Магвѣвича Лазаревскаго въ С.-Петербургъ, на Большой Морской улицѣ, въ домъ графа Уварова. Сдѣлай такъ, какъ я тебя прошу. Друзе мой единый! На дняхъ мы дожидаемъ почты, и потому я не кончаю моего письма. Почта должна привезти мнѣ твое письмо и... но я боюсь выговорить... Ты замѣчаешь-ли перемѣну моего почерка? Добрый знакъ, друзе мой единый, знакъ свободы! Но подождемъ, что скажетъ почта.

10 мая.

Сегодня пришла почта и привезла твое отъ 3 марта, такъ долго-долгожданное, дорогое письмо; но чего я дожидаль съ судорожнымъ замираемъ сердца, того не привезла, и причина простая, которую объяснилъ мнѣ М. Лазаревскій своимъ братскимъ письмомъ, полученнымъ съ этою-же почтою. Не въ генварѣ, какъ я тебѣ писалъ, а только въ 7 апрѣля представленъ я со многими другими; но чѣмъ разрѣшилось это представленіе, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ я не унываю, но ожиданіе, какъ и всякое ожиданіе, самое несносное чувство. Не говоря уже о разумномъ какомъ занятіи, я даже романа читать не могу. Несносное состояніе, и оно должно продлиться еще по крайней мѣрѣ мѣсяць, если не больше.

Глубоко уважаю твои чувства, друзе мой милый, въ отношеніи къ матери; но все таки не могу не пожалѣть, что ты рѣшительно отказался отъ моей милой академіи. Два года только, и ты артистъ, по крайней мѣрѣ для себя, если не для публики. Мелкіе города опасны, а столицы нечего бояться ни въ какомъ отношеніи; а какое неизъяснимое блаженство увидѣть волшебное искусство во всемъ его блескѣ, во всемъ его магическомъ очарованіи! Рай, заповѣданный только святымъ! Но если ты уже рѣшительно посвятилъ себя идилліи, то сдѣлай-же эту идиллію полною, совершенною. Живись, а иначе идиллія будетъ вала, суха и однообразна; а впрочемъ ты не Улиссъ, а я не Менгаторъ.

Отъ Сигизмунда я не получить до сихъ поръ ничего, а для „Блуднаго сына“ яѣшалъ бистру съ тушью и вышелъ топъ почти сепи. Готовыхъ уже у меня 8 штукъ. Первыхъ четырехъ сценъ еще не начиналъ за неизмѣнелъ модели. Необходимъ русскій типическій купецъ, чего здѣсь не имѣется. Я отложилъ это до Москвы или до Петербурга. Расскажу тебѣ о „Блудномъ сынѣ“ подробно въ слѣдующемъ письмѣ, а теперь тороплюсь, завтра почта отходить.

Ты пишешь, друже мой единый, на счетъ матеріи; въ слѣдующей почтѣ пошлю тебѣ еще двѣ штуки, не знаю, какого содержанія, а для виленскаго альбома пришлю нѣсколько штукъ изъ нашего каратаускаго вояжа и изъ здѣшнихъ окрестностей, а что пришлю, о томъ напишу. Изъ посланныхъ тебѣ кусковъ одинъ можетъ быть покажется тебѣ непонятнымъ. Это преданіе о происхожденіи рисованія. Дочь хіоскаго горшечника на дверяхъ хижины силуэтъ своего возлюбленнаго, и это была первая рисовальщица.

Экспедиція по Виліи можетъ быть чрезвычайно интересна. Какъ-бы я желалъ поплавать по этой матери литовскихъ рѣкъ.

Цѣлую Бюрно, Аркадія, Сигизмунда, цѣлую твоего старина, твою добрую, любящую мать, сестеръ и твоихъ каро и голубоокихъ *sióstrzeńców*.

13 мая.

Почта отправляется еще черезъ два дня, что и дало возможность мнѣ устроить для тебя посылку.

Посылаю тебѣ 17 штукъ для В. А. Выбери изъ нихъ, которые тебѣ покажутся лучшими и пригоднѣйшими къ дѣлу, и самъ всякачь имъ цѣну, какую найдешь приличною. Поторгуйся, мнѣ теперь болѣе, нежели когда, деньги необходимы. Кромѣ предстоящей дороги я похожъ теперь на турецкаго святого, а турецкіе святыя, какъ тебѣ извѣстно, не разборчивы въ отношеніи костюма: они щеголяютъ иногда *au naturel*. Если-бы заплатили по 15 рублей, я былъ-бы болѣе нежели доволенъ, и эти деньги посвятилъ-бы на дорогу отъ Москвы до Рачкѣвичъ.

Еще посылаю тебѣ *счастливаго ловца* и *ловкаго продавца*. Этимъ молодцамъ тебѣ цѣна извѣстна. Устрой, друже мой, все это пай-

лучше и найскорѣе, и жди меня, твоего искренняго друга, въ свои теплыя объятія.

Форму и величину 17 штукамъ можно дать одну, это не повредитъ эффекту;—такую, напримѣръ, какъ 17 № *Когакъ*.

20 мая.

Сегодня только отходить почта и я прибавляю еще двѣ штуки. Я называю ихъ молитвою по умершимъ. Это религиозное повѣрье киргизовъ. Они по ночамъ жгутъ бараний жиръ надъ покойниками, а днемъ наливаютъ воду въ ту самую плошку, гдѣ ночью жиръ горѣлъ, для того, чтобы итичка наполнилась и помолилась Богу за душу любимаго покойника. Не правда-ли, поэтическое повѣрье?

16.

Пишу тебѣ менѣе, нежели мало, но пишу изъ Астрахани, на пути въ Петербургъ, и слѣдовательно это миниатюрное письмо родитъ въ твоемъ благородномъ сердцѣ огромную, роскошную бібліотеку. Въ одинъ день съ твоимъ письмомъ отъ 30 мая получилъ я официальное извѣстіе о моей свободѣ. Добрый Израилій далъ мнѣ отъ себя пропускъ прямо въ Петербургъ, минуя Уральскъ и Оренбургъ, а слѣдовательно и 1000 верстъ лишняго и дорогого пути. Сердечно ему благодаренъ за эту экономію денегъ и времени, теперь для меня такъ драгоценнаго. 15 августа понесетъ меня пароходъ изъ Астрахани до Нижняго-Новгорода, а оттуда дилижансъ въ Москву, а изъ Москвы паровозъ въ Петербургъ. Весело, друже мой единый, невыразимо весело, когда наши волшебные воздушные замки начинаютъ быть осязательными. Я спѣшу теперь въ Петербургъ для того единственно, чтобы поцѣловать руки моей святой заступницы, графини Наталіи Ивановны Толстой. Послалъ ли ты ей моего Киргизенка? или, лучше сказать, получилъ-ли ты самъ его, и его родныхъ братьевъ—счастливаго рыбака и смышленнаго продавца? Въ послѣднемъ своемъ письмѣ ты мнѣ ничего не пишешь о моихъ посылкахъ. Получилъ-ли ты ихъ? Если получалъ, то распорядись ими, какъ находишь лучше, и напиши мнѣ въ Петербургъ по адресу, тебѣ извѣстному. Я также, какъ и ты, внолиѣ и совершенно вѣрю.

что мы съ тобою увидимся, но когда и гдѣ, не знаю; во всякомъ случаѣ не въ киргизской степи.

До свиданія, мой друже единый! Не забывай своего искренняго друга и теперь свободнаго художника.

Т. Шевченко.

Цѣлую твою святую мать, отца и все близкое твоему сердцу.

10 августа, 1857 г.

Астрахань.
